

ФРИДРИХ НИЦШЕ

Отрывки из писем 1885–1889 гг. (оценки творчества Достоевского)

Фрагмент 1

Болезнь воли распространена в Европе неравномерно; сильнее и разнообразнее всего она проявляется там, где уже давно привилась культура, и исчезает в той мере, в какой «варвар» под болтающейся на нем одеждой западного образования еще — или вновь — предъявляет свои права <...>. Но величайшей и удивительнейшей силы достигает воля в том огромном срединном государстве, где как бы начинается отлив Европы в Азию, — в России. Там сила воли откладывается и накапливается с давних пор, там воля — и неизвестно — воля отрицания или утверждения — грозно ждет того, чтобы, по излюбленному выражению нынешних физиков, высвободиться.

Фрагмент 2

Наши учреждения не стоят больше ничего — это общее мнение <...>. Для того чтобы существовали учреждения, должна существовать известная воля, инстинкт, императив, антилиберальный до злобы: воля к традиции, к авторитету, к ответственности на столетия вперед, к солидарности цепи поколений вперед и назад *in infinitum*. Если эта воля налицо, то основывается нечто подобное *Imperium Romanum*; или подобное России, единственной державе, которая нынче является прочной, которая может ждать, которая еще может нечто обещать — России как противопонятию жалкому европейскому партикуляризму и нервозности.

Фрагмент 3

Франция в культурном отношении впереди, признак распада Европы. Россия должна стать властелином Европы и Азии, должна колонизировать и завоевать Китай и Индию. Европа как Греция под владычеством Рима.

Фрагмент 4

Американцы слишком быстро выдохлись: возможно, лишь мнимая будущая мировая держава. Английская мелочность духа — сегодня величайшая опасность на земле. Я вижу больше тяги к величию в чувствах русских нигилистов, нежели в чувствах английских утилитаристов. Срастание германской и славянской рас, — кроме того, чтобы достичь господства на земле, нам обязательно нужны самые ловкие финансисты, евреи. Мне кажется, изобретательность и способность к накоплению силы воли не растрочена и сильнее всего выражена у славян благодаря абсолютной форме правления. Поэтому я не исключаю, что земля окажется под властью германо-славянского правительства <...>. Мы нуждаемся в обязательных совместных действиях с Россией и в новой совместной программе, которая не допустит в России мнимой английской сущности. Никакого американского будущего!

Фрагмент 5

Еще несколько недель назад я не знал даже имени Достоевского — необразованный человек, не читающий газет! При случайном посещении книжной лавки мне бросилась в глаза только что переведенная на французский книга *l'esprit souterrain* («Записки из подполья» — А. Ж.) — столь же случайно произошла, в возрасте 21 года, моя встреча с Шопенгауэром и в 35 лет — со Стендалем. Инстинкт родства (или как это еще назвать?) реагировал моментально, радость моя была чрезвычайно велика; мне пришлось бы вернуться к моему знакомству с «*Rouge et Noir*» Стендаля, чтобы вызвать в памяти такую же радость (это две истории; первая, в сущности, некое подобие музыки, очень чуждой, очень не немецкой, вторая — гениальный психологический фокус, насмешка над собой — познай себя!).

Фрагмент 6

В более тесной сфере так называемых моральных ценностей невозможно найти более резкого контраста, чем мораль господ и мораль христианских понятий о ценностях: последняя выросла на гнилой насквозь почве (Евангелия приводят нам точь-в-точь те самые физиологические типы, которые описывают романы Достоевского).

Фрагмент 7

В обществе, в нашем прирученном, посредственном, оскопленном обществе сын природы, пришедший с гор или из морских походов, необходимо вырождается в преступника. Или почти необходимо: ибо бывают случаи, когда такой человек оказывается сильнее общества — корсиканец Наполеон самый знаменитый тому пример. Для проблемы, являющейся здесь перед нами, важно свидетельство Достоевского — единственного психолога, у которого я мог кое-чему научиться. Он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни, даже еще более, чем открытие Стендаля. Этот глубокий человек, который был десять раз вправе презирать поверхностных немцев, нашел сибирских каторжников, в среде которых он долго жил, исключительно тяжких преступников, для которых уже не было возврата в общество, совершенно иными, чем сам ожидал — как бы выточенными из самого лучшего, самого твердого и драгоценного дерева, какое только растет на русской земле.

Фрагмент 8

Тот странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, — мир как бы из одного русского романа, где сходятся отбросы общества, нервное страдание и ребячество идиота — этот мир должен был при всех обстоятельствах сделать тип [тип Спасителя]. более грубым; в особенности первые ученики, чтобы хоть что-нибудь понять, переводили это бытие, расплывающееся в символическом и непонятном, на язык собственной грубости <...>. Можно было бы пожалеть, что вблизи этого интереснейшего из *decadents* не жил какой-нибудь Достоевский, т. е. кто-либо, кто сумел бы почувствовать захватывающее очарование подобно-го смещения возвышенного, больного и детского.

Фрагмент 9

Как жаль, что не нашлось в этом обществе [евангелистов] своего Достоевского: действительно, вся эта история лучше всего смотрелась бы в русском романе — болезненное, трогательное, тонкая странность в отдельных штрихах, и все это среди пустыни или грязной черни (как Мария Магдалина) <...>. Лишь смерть, неожиданно позорная смерть, лишь крест, предназначавшийся, в общем и целом, для *canaille*, — лишь вся эта нетерпимо жуткая парадоксальность поставила учеников перед настоящей загадкой: «кто же это был?», «кем же он был?» Потрясенное, оскорбленное в глубине чувство, подозрение, что, быть может, такая смерть опровергает само дело, страшный знак вопроса — «почему так?» — ведь тут все обязано было быть необходимым, обладать смыслом, разумом, высшей разумностью. Для любящего ученика нет ничего случайного: вот и разверзлась пропасть: «кто убил его?», «кто был врагом по природе?» Ответ: господствующий иудаизм, его первое сословие. — И они почувствовали, что бунтуют против существующего «порядка», — задним числом у них и сам Иисус бунтует против существующего порядка.

Фрагмент 10

Что означает пессимистическое искусство? Не противоречие ли это? Да. Шопенгауэр заблуждается, когда ставит известные творения искусства на службу пессимизму. Трагедия не учит смиряться с обстоятельствами. Изображение страшных и сомнительных вещей уже само по себе свидетельствует о наличии у художника инстинкта власти и величия: он их не страшится <...>. Нет никакого пессимистического искусства. Искусство говорит «да». Иов говорит «да». А Золя? А Гонкуры? — вещи, которые они показывают, уродливы: но то, что они их показывают, говорит об их удовольствии от этого уродства — никуда не денешься! Вы самих себя обманываете, если уверяете, что все иначе. Насколько спасителен Достоевский!

Фрагмент 11

Иисус: Достоевский

Я знаю лишь одного психолога, жившего в мире, где возможно христианство, где в любой момент может появиться какой-нибудь Христос <...>. Это Достоевский. Он разгадал Христа —

и инстинктивно пуце всего остерегался представлять себе этот тип с вульгарностью, свойственной Ренану. А в Париже-то думают, будто Ренан страдает чрезмерной тонкостью!.. Да можно ли впасть в более злополучное заблуждение, превращая Христа, который был идиотом, в гения? Выдумывая для Христа, полной противоположности героизма, роль героя?

Фрагмент 12

Логика атеизма

Если Бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие. Самый полный пункт его своеволия — это убить себя самому. Бог необходим, а потому должен быть. Но его нет и не может быть. Значит, нам нельзя больше оставаться в живых. Ставрогина тоже съела эта идея: он «если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует».

Классическая формулировка Кириллова (у Достоевского): Я обязан неверие заявить. Для меня нет выше идеи, что Бога нет. В чем заключается человеческая история? Человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить, не убивая себя. Я один не захотел первый раз выдумывать Бога <...> Убить другого будет самым низким пунктом моего своеволия <...> Я хочу высший пункт. Много было самоубийц, и все с причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволия, — один я.

